

Глеб Иванович Успенский

Старьевщик

Глеб Иванович Успенский

Старьевщик

Серия «Столичная беднота», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=664675*

Аннотация

«...посреди двора стоит старьевщик. В теплой дубленке, в теплом картузе и валенках, он не боится холоду и поэтому не спеша попевает свою песенку:

– Сстаррова тряпья... старых сссапагов нет ли продавать?

Попоеет-попоеет, поправит подмышкой аккуратно сложенный кулечек и поведет глазами по окнам, преимущественно заглядывая или вверх под крышу, или вниз в подвал, откуда печально смотрят эти микроскопические продолговатые оконца, летом сплошь забрызганные грязью, а зимой скрывающиеся за напухшею грудюю снега, льду и сосулек. ...»

Содержание

Примечания

23

Глеб Иванович Успенский

Старьевщик

(Из московской жизни)

Зима, жгучий мороз.

Задолго еще до первого колокола, до первого визга извозчичьих саней по закаленному лютым морозом снегу начинается жизнь на столичном дворе. В грязных клетушках, в нижних этажах, где гнездятся сапожники и портные, напоминающие миру о своем существовании скромною вывеской, уставившейся своим золотым сапогом или растопыренными ножницами куда-нибудь в стену, в кучу дров или в такой угол, куда с незапамятных времен не забредала ни единая человеческая нога, – в этих-то сырых подземельях, обдающих свежего человека какою-то кислятиной вместо воздуха, прежде всех просыпается людское горе, с вечера «звонко» залитое в кабачке под известным заглавием: «Уединение», «Мечта», «Перепутье». Просыпается оно в тощей фигурке сапожника Сидора Иванова, портного Ивана Сидорова и, запахиваясь рваным халатом, сквозь который мороз запускает свои колючие, как иглы, лапы, ежась, бежит опохмелиться, «поправиться», обыкновенно пуская ребром последний пяточок, а за отсутствием его – собственный жилет, сапожную колодку, женин платок и вообще все, что ни

подвернется под руку. А навстречу ему уютное пристанище с отрадной надписью: «распивочно» давно уже распахнуло свои гостеприимные объятия и ежеминутно погребает за своей почерневшей дверью весь этот болеющий люд, испугавшийся при дневном свете собственного безобразия и старающийся куда-нибудь скрыться даже от самого себя. Этот же внутренний испуг заставляет до свету убраться со двора увлеченную юнкером Тесаковым камелию, вчера же претерпевшую множество оскорблений от высоконравственной хозяйки, у которой господин Тесаков нанимает комнату и которой уже давно ничего не платит. Виляя своею измятою юбкою, нетвердою поступью бежит она через двор и, выйдя за ворота, направляется в сторону «Крымского ада»¹.

Где-то ударили к обедне. Жизнь на дворе шумит сильнее и сильнее: тащится с салазками молочница; со скрипом въезжает водовоз вместе с бочкой, составляющей как бы один довольно объемный кусок льду; медленно плетется на дровнях с угольями весь почерневший от соседства с ними мужик и, став посреди двора, громко кричит: «уголь!», выставляя при этом свои белые, как снег, зубы. Просыпаются рачительные хозяева и спешат на рынок, причем, выйдя за ворота, крестятся и кланяются на все четыре стороны. Просыпается харчевник Кузьма Шестов и выкатывает собственную трехобхватную особу на крыльцо, находя почему-то нужным по-

---

¹ «Крымский ад» – название трактира близ улицы Грачевки (упоминание этой улицы было в первоначальной редакции рассказа).

чесаться непременно в виду всей улицы. Он так толст, тучен, жирен и тепел, что от него идет как бы дым и пар, в то время как исхудалого оборванца жжет, щиплет и душит лютый мороз. Из-под извозничьих полозьев несется неумолкаемый визг и как бы какой-то бесконечной визгливой струей вьется над всем городом. Из труб медленно ползут кверху столбы дыма, застилая собою небо, и сквозь эту дымную занавеску тускло смотрит, колеблющимся пятном, красное солнце морозного дня.

В это время посреди двора стоит старьевщик. В теплой дубленке, в теплом картузе и валенках, он не боится холоду и поэтому не спеша попевает свою песенку:

– Сстаррова тряпья... старых ссаппагов нет ли продавать?

Попоеет-попоеет, поправит подмышкой аккуратно сложенный кулечек и поведет глазами по окнам, преимущественно заглядывая или вверх под крышу, или вниз в подвал, откуда печально смотрят эти микроскопические продолговатые оконца, летом сплошь забрызганные грязью, а зимой скрывающиеся за напухшею грудой снега, льду и сосулук.

Смотрит старьевщик, постукивает нога об ногу и снова тянет свою песенку, и поет он ее таким заунывным голосом, так плакуче, что ее слышит только та непроходимая голь-нищета, у которой вся надежда на существование – это старые голенища, да и то тогда только, когда за них сподобит господь заполучить копеек двадцать.

Где-то вверху открылась форточка, женский пискливый голос позвал старьевщика, и скоро он, шагая по грязной, обмерзлой лестнице, расспрашивал у добрых людей: «Как пройти в квартиру мещанки Слезовой?»

* * *

Мещанка Слезова сама утверждала, что господь наложил на нее особый крест, который она должна нести до гроба. Крест этот она называла совестью.

– Наделил меня, батюшка милостивый, наделил! – говорила она. – И столь он, батюшка милостивый, наделил меня, что всякий может мне на шею сесть! – добавляла она, заливаясь горячими слезами.

Не носи она этого креста, ей не нужно было бы теперь сбывать оставшийся после покойника мужа хлам, потому что сама она с голоду не умрет: женщине много ли нужно? «Так, пожевала-пожевала что-нибудь всухомятку – и сыта». А на это, разумеется, хватит; стало быть, с этой стороны и толковать нечего. Но ее постоянно мучит постоялец, отставной прапорщик Волшебнов, непременно требующий обеда, да еще старуха Митревна, уже третий день проклинаящая, лежа на печи, и жизнь свою сибирную, и соседей, и хозяйку, – старуха, которая ежеминутно молит бога о смерти, и притом только потому, что в эти три дня ей не удалось потешить чайком свою ветхую утробу... Можно было бы уладить дело

и с этой стороны, можно было бы доложить Волшебнову, что уверение в благородстве хоть и важная вещь, но что в лавочке за него не дадут и ваксы на две копейки. Да и Митревну можно было бы посдержать, напомнив, что, «мол, я, Слезова, не из корысти держу тебя, не из корысти пою-кормлю, а только ради холода твоего да голода, соболезнаю твоему горю, от которого и самой некуда деться...»

Но, видно, так уже была устроена Слезова, что мысли о заступничестве за собственный карман она никаким образом не допускала близко к себе, и потому-то ежеминутно терзалась и голодным желудком прапорщика и жаждою старухи. В подобные минуты ей даже казалось, что на неё с укором смотрят и холодная печка, и пустые горшки, и согнутый на сторону самовар... «Что же ты, говорят будто бы эти враги, топи, что ль, меня? А! тебе нечего варить во мне, хозяйка тоже!.. Тьфу ты! вот что ты, а не хозяйка!..» А занятые третьего дня у соседки три куса сахара... Господи! – какими камнями лежат они на ее честной, правдивой душе!

Сообразив такое состояние людей, обитавших в кухне, читатель, может быть, поймет, что небесная помощь, в каком бы то ни было виде, здесь ждется всеми, и поэтому очень естественно, что старьевщика, как воплощающего в своей плутоватой фигуре эту помощь, приняли здесь с распростертыми объятиями.

– Куда тут? как бы кадушку-то не того... опрокинешь неравно! – говорил он, влезая в кухню и втаскивая с собою

тучу холода, которым и без того изобиловало жилище Слезовой. Шурша своим точно железным от мороза тулупом, на ходу зацепляя им ухват, сковородник и кочергу, старьевщик вступил в соседнюю комнатку, до того микроскопическую, что помещавшиеся в углу образа занимали чуть не целую ее треть. Тут же стояла кровать, а на стене болталось зеркальце, имевшее особенную способность стягивать все черты лица в одну точку, к концу носа.

Войдя, старьевщик произнес: «доброго здоровья!», уложил на пол свой мешок, шапку и рукавицы, обтер полою полушубка заледеневшие усы и холодно произнес:

– Продаете что?..

– Да, вот кой-что есть! – говорила Слезова, нагибаясь к полу и запуская под кровать палку.

– То-то, продавайте, я ноне добрый... Сейчас издохнуть!.. Такой милостивый, и-и-и!.. натошак не выговоришь... Меху нет ли? галунов? Пошарьте!

– На-кось, вот, сюртук... годится ли?

Принимая в руки сюртук, старьевщик окинул его зорким глазом «с одного маху», и, заглядывая в мельчайшие закоулки, напал на такие пятна, прожженные дырья и изъяны, которые Слезовой очень желалось бы спрятать... И вот от этой-то зоркости старьевщика каждая дыра на поле или на рукаве прожигала такую же дыру и в ее сердце.

Вскоре из-под кровати, при пособии палки и кочерги, которую орудовала старуха, появились на свет божий, вместе с

кучею сора и неизвестно откуда взявшегося пуху, старые, совершенно желтые панталоны покойного супруга Слезовой, Онуфрия Максимыча; потом заплесневелая бутылка с продавленной внутрь пробкой и, наконец, чей-то, бог весть каким образом попавший сюда, форменный картуз с зеленым околышем и разорванным козырьком. Все это будило в голове Слезовой забытое прошлое, поднимало и вихрем несло ее прошлые скорби. То представлялось ей, как покойник супруг-парикмахер, в видах барышей перебравшийся в Петровский парк на дачу, вдруг запил, запропал в городе и, наконец, совсем пропал без вести. А тут зима. Лес опустел, снег сугробами одел дорогу в Москву, а мороз уже успел проглотить углы в дощатой хибарке. Со слезами на глазах, завернув в полу заячьей шубки свою Лизу, которая теперь где-то в белошвейках на Дмитровке, бредет она, Слезова, в Москву, к Каменному мосту: «дескать, не распознаю ли у сродственников про Онуфрия Максимыча?» Ветер дует в упор, вязнут в сугробах слабые ноги, а идти далеко! Добрела. «Не у вас ли, Марфа Марковна, супруг мой?» А супруг, будто кругом виноват, смиренный такой, услышал из другой комнаты и кротко таково говорит: «А, говорит, Аксюша! ты это... здравствуй! виноват я, Аксюша!..» И присела она в то время на оконник и сидела ровно бессловесная, потому – и слеза нейдет, и слова выговорить нельзя... Или вдруг, – смешно сказать! – эти желтые панталоны, протертые на коленях и заплатанные синим тиком от жениной шубы, какую страшную сцену воскре-

шают они в ее памяти! Помнится ей, как вот в этих самых панталонах, над которыми старьевщик покатился со смеху, привезли Онуфрия Максимыча замертво. Подняли его добрые люди где-то на улице; а оттого он довел себя до этого, что не на добрые деньги вздумал гулять: пустил ризу с венчального образа, «раздел» его, батюшку, донага! И вот он в больнице; то хочется ему огурчика, то селедки, то кваску, – и Аксюша с каким-то особенным искусством, рождающимся только в пору высокой привязанности, умеет протащить ему эти продукты, утаив их от зорких глаз начальства, где-нибудь на груди, в концах головного платка или под полюю. «Виноват я, – говорит больной, – много я тебя, Аксюша, бивал понапрасну, ни за что, и много я у господнего престола должен ответу дать за мои буйства и кровопролития! Только прости ты меня, Аксюша, здесь, на сем свете, потому и без этого я, новопреставившийся раб божий, должен идти в муку вечную. А под подушкой, на Лизино счастье, узелок есть, и скопил я там, на ассигнации, сто рублей...»

И много-много еще!..

Осажденная этими воспоминаниями, Слезова с каким-то замиранием сердца расставалась с разным хламом, пробуждавшим в ней эти трогательные воспоминания и теперь валявшимся на полу кучей какой-то рвани. Старьевщик все принимал и даже старался ободрить хозяйку, видя, что она конфузится, подавая какой-нибудь шерстяной носок с дырявой пяткой или заплесневевший картуз: он надевал носок на

руку, утверждая, что из него очень легко сделать варежки; примеривал картуз, и примеривал таким ухарским манером, что даже Слезова не могла не улыбнуться, а старуха просто плюнула, проговорив:

– О, шут тебя возьми, пугало воронье!..

Наконец, сев на пол и подобрав под колени весь собранный скарб, старьевщик придавил его растопыренною рукою и произнес:

– Еще чего нет ли?

– Нет, больше ничего нету.

– Пошарьте!

– По комодам разве?

– Ну, по комодам... Галунов нет ли?

– Нет, галунов нету... Ничего больше нету!

– Ну, так, стало быть, сколько? Говори, мать, по-божьему?

– Что мне? Я по-божьему...

– Ты сам-от по-божьему-то! – произносит старуха, чувствуя потребность заступиться за Слезову, потому что теперь она уже не сомневается в возможности посидеть за самоварчиком.

– Мы всегда по-божьему. Мы люди, бабка, во как – одно слово!.. А я, милая моя, вот как: я свою цену даю, ты свою... Что же? разберем так: сертук этот самый, что говорить, очень он превосходен, и дадут нам за их милость двадцать копеек, а мы, значит, даем ему назначение – гривеник по той причине, как и нам самим преферанц надобен.

Так-то-с!

Все выражают крайнее негодование; но старьевщик, кажется, и не слышит этого и спокойно продолжает речь, примеривая картуз:

– Они теперича... Какое об них мнение? Мнение будет высокое! А цена тринка. Так ли, милочки мои?

Опять ропот.

– Да ты вот что: бог-то есть в тебе?

– Маменька! Бог во мне есть?

– Ан вот нету!

– Милая моя, мамочка! Поверь мне, есть! А что ежели что тринка, так чем же она не монета?

В это время в дверях показался постоялец, офицер, с взъерошенными волосами, в плисовом рваном халате.

– Ты! – обратился он к старьевщику, – купишь?

– Покажите-с!

– Что тебе, нюхать, что ли? Видишь, сабля!..

– Придется, и нюхаем... Только он, оружий этот, дешев.

– Как??.

– Ничего он для нас не стоит...

– Меррррзавец!

Постоялец исчезает.

– А то вот не купишь ли? – говорит старуха, вылезая из кухни.

– Какой товар?

– Пуговицы костяные...

– Много ль?

– Пара всего... Теперь таких пуговиц нету...

– Ну, стало быть, и пушай они дружка с дружкой... парочкою, стало быть, миленочка с миленочком!

– А гривну если?

– Гривну-у? гривну-то я за тебя, старушка, дам ли?.. И то ежели на распорку, коли дело будет. Вот как, балетная моя плясунья, по-нашему разговаривают-то с вами!

– Покупаешь? – произносит снова явившийся офицер.

– Никак нет, ваше сиятельство!

– Ну, подлец после этого.

– Должно быть, так!

– Сердит барин-от, – прибавляет старьевщик, прислушиваясь, как за Волшебновым хлопает одна дверь, другая и потом падает на пол кинжал.

Прапорщик свиреп: он быстро ходит взад и вперед; но немного погодя снова принимается рыться в тощем чемодане с тою же целью – продать что-нибудь старьевщику. Попадался ли ему старый эполет, сломанная шпора, покрасневшая пуговица с цифрами, – он все валил в кучу и назначал, по собственному мнению, самые умеренные цены, хотя в итоге образовывалась такая кругленькая сумма, которою прапорщик предполагал распорядиться самым милым образом.

– Сколько за все? – восклицает он через минуту.

– Да что, ваше благородие, я скажу так, что для нашего

брата вся это теперича ваша премудрость – ровно плюнуть да растереть.

– Вон отсюда! – завопил прапорщик, швырнув на пол весь свой товар, и исчез уж «навсегда».

В то время как в разочарованную душу прапорщика врывались терзающие мысли о том, отчего судьба не дала ему более широкой дороги, где бы он, не печалясь, как теперь, о трехдневном отсутствии водки, мог бы безмятежно покоиться под титулом штабс-капитана, разъезжать на рысаках, звонко покрикивать «пошел», обладать первой в Москве камелией, совершая все это на вдовьи капиталы купчихи Рыдаевой, – в эти плачевные минуты прапорщичьего негодования на судьбу, лишившую его всех только что изображенных благ, старьевщик с присказками и прибаутками валил в мешок все достояние мещанки Слезовой, вместе с старьем навеки погребая в этом же мешке и все ее воспоминания, все прошлые скорби.

– А что, хозяйюшка? – говорил старьевщик, вынимая из-за пазухи сверток сахарной синей бумаги, в котором сочно звякали медяки, – я у вас эту старушку, бог с ней, поторгую! – и он кивнул головою на старуху. – Именно правда, потому кожа у ее, у этой, у старухи... Рубь сорок да семь – рубь сорок семь пожалуйста-ко! Потому, говорю, кожа у этой, у старухи очень способна, и погоним мы ее на лайковые перчатки...

Слезова грустно улыбалась; но старуха едва ли что-нибудь слышала из слов старьевщика, потому что была совершенно

поглощена заботами о чае и хлопотала около самовара.

Через полчаса кухня Слезовой представляла несколько иной вид: сама хозяйка, слегка подрумяненная рюмочкой водки, поминутно совалась то к столу, на котором пыхтел самовар и не менее его пыхтела старуха, то к печи, где дымился котел, около которого тощее пламя единственного полена как-то подобострастно егозило и, казалось, хотело сжать его в своих объятиях, лишь бы только угодить Слезовой и поскорее вскипятить щи. В углу стояла соседка с рюмкой в руках, готовясь поднести ее ко рту, причем говорила Слезовой что-то очень утешительное, награждая ее в будущем всяким счастьем, – чего, в одно и то же время, желала и сулила ей также и старуха; но Слезова только вздыхала и полагалась во всем на власть божию. Не то было за перегородкой, в комнате прапорщика. Расстроенное воображение его не давало ему покою.

– Господи! господи! – взывал он в душе, – хоть бы что-нибудь!..

Соображая предстоящие барыши, плетется старьевщик по пустынному переулку. От нечего делать он может зайти в лавочку, где ему все друзья-приятели от мала до велика, почему он всегда смело может прибегнуть сюда и перехватить рублик-другой, без залога узла, делая это, конечно, только в тех случаях, если где-нибудь поблизости «лафа», то есть можно погреть руки около чьей-нибудь добротной шубы, салапа и вообще вещицы, на которую нехватает казны, разме-

щенной по всем карманам, во всевозможных узелочках, за-
вертках, «портманеях» и тому подобных казнохранилищах.

Тут, в лавке, он потолкует с хозяином, дескать, «какие
нонче времена тугие», сообщит, пожалуй, известие, что ка-
кой-нибудь купец Столбов пожертвовал в приход колокол
пудов в тысячу; пошутит с приказчиком, посочувствует ему
в эротических подвигах на Цветном бульваре; одним словом,
он может толковать обо всем и всегда, именно потому, что не
толковать иначе, как «про все», невозможно в его звании и
положении. «Такое наше дело, – говорит он: – человек ты за-
всегда на народе, на самом на юру, – ну, и должен со всяким
вступать в разговор; от этого-то я и могу во всем постигать».

Но всмотритесь пристальнее в эту плутоватую личность,
сбросьте с обросшей «образины» старьевщика весь груз про-
шедших лет, – и перед вами бойкий столичный мальчиш-
ка; весь двор зовет его «юлой»; иные, впрочем, заменяют
эту кличку «шилом», а собственный родитель не иначе име-
нует сына, как «щенком». Усматривая в сынишке несколь-
ко жульническую сообразительность и пронырливость, ро-
дитель, резчик печатей Голодаев, умел в раннюю пору дет-
ства направлять такие достоинства ребенка в собственную
пользу: то поручал он щенку передать «полковницкой»
кухарке Агафье, чтобы она вечером выходила на тротуар, да
так, чтобы матка не заметила и чрез глупую его, щенка, го-
лову не намылила бы, при сборище целого двора, и косма-
тую голову самого родителя-изменщика. И щенок отлично

исполнял такое поручение! Или, в период голодания и холода, щенок отправлялся, напичканный разными наставлениями, за похищением где-нибудь щепок, дров.

– Ты, Миша, нахрапом! – говорил отец. – Ноне нахрапом не возьмешь, – к вечеру без головы останешься...

И нужно было видеть, как прыгало и трепетало сердце горемычного родителя, когда он усматривал все тонкие или, напротив, наглые сношения щенка с плотником, работающим около длинного бревна, протянувшегося чрез двор. Нужно было видеть также всю злобу разных квартирных хозяев и хозяек, приготовившихся было только что выступить в поход за этими щепками, уже отогревающими теперь семейство щенка. В этом негодовании на собственное простоволье никто из них не задумывался запустить в щенка кирпич, заржавленную задвижку, гвоздь, словом – все, что ни попадалось в руки. Но и от этого щенок умел «улизнуть».

Как ни прибыточна была для резчика Голодаева такая деятельность только что оперяющегося пройдохи, однако же нежелание предоставить сыну голод и холод своего неблагодарного ремесла заставило родителя искать ему более обеспеченную дорогу. И вот скоро Мишка-щенок – микроскопический портной. С плотно остриженными волосами, сквозь которые синеют желваки, только что полученные от собратьев по мастерству, как знак вступления в «новое» общество, прытко шныряет он с огромным утюгом, чтобы где-нибудь подсунуть его на чужую плиту. Дело у него так и кипит, и тос-

ковать о горькой доле ему некогда, да оно и не стоит: пусть бегают он босыми ногами по льду, без шапки и в одной нанковой рубашке, – он сумеет и согреться, прокатившись с разбегу по льду, или двинет кого-нибудь из своей братии плечом и тут же для собственной потехи лизнет горячим утюгом по снегу. Все у него кипит под руками! И вдруг, когда портных дел мастер только что хотел убедиться в том, что уже ремень и колотушка, в приложении к щенку, не имеют более никакого смысла и что с ним, щенком, нужно вести дело на другой манер, «из-под ласки», – в это-то завидное для многих время щенок страшно роняет себя, похитив какой-то жилет и прогуляв вырученные за него копейки на пряниках. За жилетом следуют панталоны, сюртук... А через неделю щенок уж на воле: он снова живет в обителище своего родителя, который теперь клянет его за опиванья и объеданья.

Обдумывая способы исправления сына, резчик Голодаев приходит к тому заключению, что теперь остается одно: *«драть его, шельму, до зеленого змия!»* Не медля ни минуты, с горестью и вместе любовью в сердце принимается он за венник, и тут-то происходит доморощенное врачевание от всех пороков и зол, во время которого из квартиры Голодаева, сквозь мельчайшие щели и скважины, несется вопль и стон несчастного, очевидно наводимого на путь истины. Вот после этого-то врачевания, спустя месяцев шесть, вы и встретили прежнего щенка на Кузнецком мосту; говорю – *прежнего* потому, что теперь вы *щенка* не узнаете – перед вами

уже такая личность, которую в Москве определяют одним словом: *чуйка*.

– Сударь, сударь! ваше сиятельство!.. – негромко и таинственно произносит «чуйка», догоняя прохожего.

– Что тебе?

– Пожалуйста на минуточку-с!

– Меня?

– Вас, вас!.. на секунд!.. за угол только!..

– Меня ли? почему ты меня знаешь?

– Как не знать-с! Что вы?.. Знаем-с, пожалуйста!

Прохожий идет, недоумевая и чего-то опасаясь.

– Ну говори, что такое?

– Покупка есть... Как бы кто не увидал!.. Магази́нская цепочка-с, «первый сорт»!

«Чуйка» оглядывается по сторонам и вытаскивает из-за пазухи какую-то цепочку, которая горит перед глазами прохожего и рассыпается искрами на солнце.

– Куда же ты ее прячешь?..

– Невозможно, вашскородие, никак: увидят... Сто цалковых стоит... сорок прощу.

– Да это краденая!

– Сохрани бог! что мне?.. В кутузке-то мне не очень желательно сидеть... по нужде продаю.

– Что-то неладно ты говоришь!

– Барин! барин! ваше благородие!.. куда же вы?.. Двадцать пять!..

– Десять!

– Что вы, ваше благородие! Обижать человека... Гаспадин, позвольте!

– Ну?

– Угодно двадцать рублей? не по-моему, не по-вашему?

– Ничего мне не угодно!

– Как ваша цена? Как же так, ничего не угодно?

– Пять целковых, она не нужна мне...

И прохожий идет.

– Эх, какой вы барин сердитый! – вяло произносит «чуйка». – Ну, пожалуйста, бог с вами... На чаек бы...

– Ну-ко, брат, оцени-ка, сколько заплатил? – говорит прохожий приятелю, показывая покупку.

– Пятачок?

– Что-о-о-о?..

В другой раз «чуйка» встретила вас у Иверских ворот. Под аркой, среди грохота и стука сотни экипажей, среди разнообразных криков и пения, доносящегося из часовни, как-то назойливо журчит речь «чуйки». Держа в руках книгу «Химический анализ», пачку конвертов и две-три палочки сургуча, она неотступно следует за каким-то купцом и ежеминутно дребезжит над самым его ухом:

– «Аннализ»!

Купец идет молча; но «чуйка» не отстает, она словно прилипла к нему: забегает вперед, егозит и тычет ему в самый нос свою книгу.

- Аннализ!
- Прочь!..
- Аннализ! особбенная книга-с!
- Прочь!..
- Пользительные советы!..
- Прочь, говорю!

Сцена этого рода обыкновенно оканчивалась тем, что иной прохожий находил необходимым позвать полицейского, а другой, соблазнившись достоинствами книги, покупал ее, тащил куда-нибудь на Ордынку, за Москву-реку, сажал за нее сынишку, с явным желанием вложить в его тучное существо какие-нибудь познания; но эта попытка, по обыкновению, никакого успеха не имела, а «Химический анализ» очень скоро находил приют в кухне и употреблялся на подстилку под кулебяки.

И вот, спустя год-другой, та же «чуйка», только сделавшаяся опытнее, старше и солиднее, ходит по дворам в виде старьевщика. Совершилось это перерождение в силу той же причины, какая родила на свет божий поговорку: «Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше». И действительно, «чуйке» теперь много лучше: скитаясь по Кузнецкому, толкаясь у Иверской, она была воплощенная нужда, искавшая милости в каждом; а теперь эта же нужда, которой везде непечатый угол, сама гоняется за «чуйкой» и на долгие годы вперед сулит ей хороший кусок хлеба.

Примечания

Весь цикл рассказов печатается по изданию: Сочинения Глеба Успенского в двух томах. Том первый. Третье издание Ф. Павленкова, СПб., 1889.

Рассказы, входящие в этот цикл, сначала неоднократно печатались Успенским как самостоятельные произведения. Цикл рассказов под названием «Столичная беднота» впервые был сформирован самим писателем в первом издании его «Сочинений» (т. I, 1883). Однако сюда вошли далеко не все рассказы 60-х годов на эту тему. Так, в сборнике Успенского «Глушь» 1875 года под заглавием «Из столичной жизни», кроме рассказа «Швеи» (в настоящем томе – «Первая квартира»), были напечатаны рассказы «Дворник» и «По черной лестнице».

Усилившееся после реформы разложение деревни и классовое расслоение крестьянства увеличили приток крестьян в город на заработки в качестве извозчиков (рассказ Успенского «Извозчик», 1867), дворников («Дворник», 1865), кухарок («По черной лестнице», 1867), швей («Первая квартира», 1866) и др. Эти выходцы из деревни еще тесно связаны с крестьянским хозяйством, и все заветные думы и заботы их направлены к деревне и оставшейся там голодающей семье. Беднота, ютившаяся на городских окраинах, привлекала к себе внимание ряда демократических писателей 60-х

годов. А. И. Левитов и М. А. Воронов объединили написанные ими рассказы на «трущобные темы» в сборнике «Московские норы и трущобы» 1866 года. Успенский в 1867 году тоже выпускает сборник «В будни и в праздник. Московские нравы». Однако по своему содержанию рассказы Успенского на эту тему отличаются от произведений Левитова и Воронова тем, что его интересуют не нравы люмпен-пролетариата, а материальное и социальное положение *трудовой* столичной бедноты.

«Старьевщик»

Впервые рассказ напечатан в «Библиотеке для чтения», 1863, XII, и неоднократно, с небольшими стилистическими исправлениями и сокращениями, перепечатывался Успенским в сборниках «Очерки и рассказы» 1866 года (в разделе «Эскизы»), «Разоренье» 1871 года (в разделе «Мелочи») и во всех изданиях «Сочинений».

«Старьевщик» – первый рассказ, напечатанный Успенским в Петербурге, о чем он с гордостью сообщал родителям в письме 1864 года, взволнованный особенно тем, что в объявлении о сотрудниках «Библиотеки для чтения» на следующий год его имя (по алфавиту) стояло рядом с именем И. С. Тургенева.

«Старьевщик» является также первым из ряда рассказов писателя, рисующих городскую бедноту московских окраин,

обитателей подвалов и мансард.